

Бердникова Т.А.

**РУССКИЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИЕ ПРИМЕТЫ:
ИСКОННОЕ И ЗАИМСТВОВАННОЕ**

В данной статье рассмотрены приметы субэтнической группы русскоустыинцев — арктических русских старожилов Якутии. В приметах нашли свое отражение как собственно славянские представления, общехристианские, так и сформировавшиеся уже в период переселения группы русских в Арктику в полиэтническом и поликультурном сообществе с коренными народами Северо-Востока России.

русские арктические старожилы, фольклор, приметы, поверья, культурные параллели

**FOLK BELIEFS OF RUSSIAN
STAROZHILY: ORIGINAL AND
BORROWED**

The paper concerns primeta (sequential folk-based correlation between two occurrences) as observed by sub-ethnic group russko-ustjincy - arctic starozhily (nativized early russian settlers) of Yakutia. The primeta represent slavic concepts, common christian beliefs, ideas formed during the period after the initial settling of russians in polyethnic and polycultural Arctic community of indigenous people of Russia's North-East.

russian arctic starozhily, folklore, primeta, folk beliefs, cultural parallels

УДК: 81'37(=161.1) (=581)

В языке любого народа мы найдем факты отражения традиций, обычаев, фольклора, исторических событий, всей сторон культуры народа. Одним из источников культурной интерпретации, по мнению В.Н. Телия, могут служить поверья и приметы.[1]

Русские арктические старожилы (к ним в Республике Саха (Якутия) относятся жители по течению рек Индигирка и Колыма — нижеиндигирцы и походчане), оказавшись на Северо-Востоке России, столкнулись с ситуацией, когда старые приметы, связанные с природными явлениями на родине, не «срабатывали» на новом месте обитания. Близкое соседство и совместное проживание с коренными жителями Севера, перенятый опыт традиционных занятий (охота – песцовый промысел, подледное рыболовство, ездовое собаководство) не могли не сказаться на всей культуре новопоселенцев, в том числе на содержании примет и поверий. Считаем, что лексический состав этих малых жанров содержит в себе как исконно русские элементы, так и заимствованные.

Из этнографической литературы, диалектных словарей, личных полевых записей, архивных данных[2] было собрано около 60 примет нижеиндигирцев, жителей пп. Русское Устье и Чокурдах Аллаиховского улуса Якутии.

По-русскоустыински приметы называются ГРЕХОВАНЬЯМИ. Все грехованья можно разделить на 3 группы: 1) связанные с природными явлениями; 2) с бытом; 3) с религиозными представлениями.

Среди примет, связанных с природными явлениями, в неизменном виде, общерусском, остались те, которые не зависят от географического расположения обитания людей, например, радуга вышла – к дождю. В связи с изменениями в окружающем мире в общерусских приметах появляется вариативность в лексическом составе примет, например, если ласточки летают низко – к дождю (у В.И. Даля) — если тулик кричит, то будет дождь (п. Русское Устье); птица, залетевшая нечаянно в покой, особенно воробей, предзнаменует бедствие, смерть в доме; ласточка залетит в дом – к покойнику (у В.И. Даля) — если залетит куропатка, то это очень плохая примета (что-то потом случится). Вообще, по мнению русскоустыинцев, куропатка – самая сильная примета (п. Чокурдах, Роман Куприянович Киселев, сын охотника-

Среди примет можно выделить и такие, которые отражают особенности северного климата, особых климатических условий проживания: если вокруг Луны туманный обруч – к пурге, если сильный мороз с туманом – нельзя ехать в дальнюю дорогу; если тундра затихает – к ненастью.

Близкие к приметам о погоде в среде русскоустыинцев достаточно долгое время существовали поверья: считается, что всякий родившийся в тихую погоду может «остановить» пургу. Для этого он должен выйти из избы и потрясти свою лопоть (одежду) или выйти из избы совершенно нагим и побегать около дома. Можно также вынести из дому голого младенца, родившегося в тихую погоду. Впрочем, двух последних приемов избегали, так как зимой в этих местах слишком «студёно». В 1928 году зафиксирован случай, когда мужчины послали жену одного из них «колотить рубахой по снегу», чтобы погода была тихой.[3]

Приметы о погоде связывали даже с конкретными жителями поселка: если старик Шелоховский (один из представителей «коренных», т.е. издавна живших в Арктике русских старожилов) «под горой» ходит – погода испортится.

Особая роль в предсказаниях отводится животным, как домашним, например, конь зевает – к ненастью; конь хвостом машет – жар ворожит; собака уху царапает – к ненастью; собака начинает кувыркаться – к пурге; так и диким: песец осенью рано белеет – к ранней весне; гусь летит высоко – к теплу, низко – к холоду; гагара кричит – небо чистит; дудука кричит – дождь нагоняет; если песцы дичают – много попадет их в пасти зимой.

Местные жители даже выработали собственный календарь сезонных работ, который напрямую связан с природными наблюдениями, что отмечалось и исследователями: «Человек постоянно сталкивается с животным миром. Наблюдения над куропатками, не слетающими с о.Котельного на юг, пока на льду находятся полыньи и трещины, сделалось одной из примет, которой промышленники руководствуются для определения времени, когда можно переезжать с острова на материк».[4]

Большое количество примет связано с водными объектами: рекой и озерами, которые являются источниками добычи основной пищи – рыбы. Интересно, что некоторые из них имеют вполне рациональное объяснение (до прохода льда нельзя готовить юколу – это значит портить рыбу), другие – мифологическую природу: во время ледохода женщине нельзя выходить из избы с непокрытой головой – река осердится; озерную рыбу нельзя жарить и бросать в огонь – озеро осердится; на озере во время рыбного промысла нельзя громко разговаривать; уроненную в озеро сеть или другой предмет нельзя доставать железным предметом – хозяин озера будет сердиться, нельзя беременной женщине есть озерную рыбу (речную можно) – озеро также осердится и др. За нарушение правил (разведение огня на поверхности озера) жителю п. Русское Устье сельсовет (!!!) запрещал ловить рыбу.

Отмечаем, что между приметами первой и второй группы в некоторых случаях довольно трудно провести границу. По замечанию Д.Д. Травина в историческом очерке «Русские на Индигирке», у жителей п. Русское Устье «...культура, хотя и носящая черты оседлости, очень не высока, давая в своей форме картину полного подчинения человека природе, подавляя своей полной зависимостью от нее, из которой она черпает лишь то, в чем местная природа не отказывает».[5] Поэтому весь

быт русскоустыинца, так или иначе, связан с традиционными промыслами: через чужой невод и сеть нельзя переступить. Если человек через сеть или невод переступит, то будет худо или рыба не будет попадать; медвежье мясо можно было есть только мужчинам и нерожавшим женщинам, потому что боялись за детей; топтать мех пушных зверей – грех, мужчине ходить в погреб — грех и др. Собственно бытовые приметы встречаются редко: если канюк соьет гнездо на постройке – это плохая примета для хозяина постройки.

Но сохранились и общерусские приметы, например, собаки воют – к плохому; на дорогу шить нельзя. Также отмечаем вариантность «предметного мира» в приметах нижеиндигирцев по сравнению с приметами русского народа, собранных В.И. Далем: правая ладонь чешется – отдавать деньги, левая – получать (Даль) — щербит подошва правая – встреча с хорошим человеком, левая – с плохим; ладонь правая – к добру, левая – наоборот; если из вязанки дров вывалится полено, то будут гости (Даль) — из огня упал уголек, долго не гаснет – придет разговорчивый гость;

Приметы, связанные с религиозными представлениями, прежде всего ориентируют говорящих к христианским православным праздникам и связанным с этими датами началом/окончанием сезонных работах: в Покров день (14.10) надо последнюю дырку заткнуть (закончить любое дело); неводить кончают за 4 дня до Покрова; Благовещенский день соблюдается весь год (нельзя начинать новое дело), и вообще по возможности в этот день не работают; на Никиту (28.09) – не плавают, с Федосьи (11.06) начинается вешний лов рыбы и т.д. Работать в церковные праздники считалось большим грехом.

Нам удалось найти несколько параллелей русскоустыинских примет с приметами соседних коренных народов Севера. Сразу оговоримся, что приводим примеры лишь прямых, в большинстве случаев понятийных параллелей:

С якутской культурой:

Если залетит куропатка, то это очень плохая примета — если около дома кукует кукушка или залетает в окно, то это дурная примета; если тулик кричит, то будет дождь — если кричит гагара, то это к непогоде; нельзя переступить через сидящего (лежащего) человека – испоганишь — нельзя переступить через сидящего (лежащего) человека – не будет расти; ложка упала – к приходу женщины, ножа – мужчины — уронил нож – жди в гости мужчину; ребенок капризничает – к гостям — ребенок капризничает – к гостям; бровь чешется правая – к радости, левая – сердиться — правая бровь подергивается — к радости;

С юкагирской культурой:

В топке долго, четко щелкают дрова – нехорошие вести — потрескивающим звуком Хозяйка огня предупреждает обитателей дома о несчастье или голоде, если они вздумают переселиться.

С эвенской культурой:

Если тулик кричит, то будет дождь — кукование кукушки – к непогоде; ребенок капризничает – к гостям — непрерывный плач ребенка – к приезду гостя; в топке долго, четко щелкают дрова – нехорошие вести — огонь всегда «предупреждал» людей радостным треском — о хорошем, сердитым шипением — о плохом, громким

треском — о беде; бровь чешется правая — к радости, левая — сердиться — зудится — правая бровь — к радости.

Таким образом, человек всегда является адресатом сообщения приметы. Предоставляя информацию о том, что происходит в настоящий момент, произошло в прошлом или произойдет в будущем, приметы, независимо от их связи с природными, бытовыми явлениями или религиозными представлениями, моделируют или корректируют поведение человека, заставляют его осмыслить уже произошедшее, задуматься над последствиями чего-либо.

Приметы русскоустыинцев, как части старожильческого населения, рассмотрены нами как источник культурной интерпретации жизни человека на Северо-Востоке России. С одной стороны, тексты примет демонстрируют нам древний уклад жизни русского человека, с другой — явное взаимодействие русской культуры и культур коренных северных народов в их бытовой динамике в течение нескольких столетий.

Литература

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.
2. Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. М.: Банк культурной информации, 1992.
3. Травин Д. Д. Русские на Индигирке: Отчет Верхоянского этнографического отряда. СПбФ АРАН. Ф. 47, опись 2, № 171, 1929. — 88с.
4. У льдов на краю Ойкумены. Русское Устье. Возвращение к истокам/ [сост.: Е.Н. Аммосова, И.А. Чикачев, ред. Е.Н. Аммосова]. Якутск: Литературный фонд, 2015. — 276 с.
5. Чикачев А. Г. Русские в Арктике. Полярный вариант культуры. Н.: Наука, 2007. — 303 с.
6. Зензинов В. М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа: с.63 рис.в тексте [сост. Е.Н. Аммосова, И.А. Чикачев] — Изд. 2-е, испр. и доп. Репр.изд. Якутск, 2013. — 140 с.

References

1. Telija V. N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty M.: Shkola «Jazyki russoj kul'tury», 1996. — 288 s.
2. Dal' V. I. O pover'jah, sueverijah i predrassudkah russkogo naroda. M.: Bank kul'turnoj informacii, 1992.
3. Travin D. D. Russkie na Indigirke: Otchet Verhojanskogo jetnograficheskogo otrjada. SPbF ARAN. F. 47, opis' 2, № 171, 1929. — 88s.
4. U l'dov na kraju Ojkumeny. Russkoe Ust'e. Vozvrashhenie k istokam/ [sost.: E.N. Ammosova, I.A. Chikachev, red. E.N. Ammosova]. Jakutsk: Literaturnyj fond, 2015. — 276 s.
5. Chikachev A. G. Russkie v Arktike. Poljarnyj variant kul'tury. N.: Nauka, 2007. — 303 s.
6. Zenzinov V. M. Starinnye ljudi u holodnogo okeana. Russkoe Ust'e Jakutskoj oblasti Verhojanskogo okruga: s.63 ris.v tekste [cost. E.N. Ammosova, I.A. Chikachev] — Izd.

2-е, испр. и доп. Repr.izd. Jakutsk, 2013. – 140 с.